

**О НЕКОТОРЫХ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПОМЕТАХ
ДОСТОЕВСКОГО В СВЯЗИ С РОМАНОМ «БРА-
ТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

I.

Многочисленные пометы в Евангелии, подаренном Достоевскому на каторге в январе 1850 года в Тобольске женами декабристов Фонвизиной, Анненковой и Муравьевой, свидетельствуя об определенной направленности движения мыслей писателя, являются ценнейшим руководством в прочтении его произведений, созданных после каторги. Уникальный опыт четырех лет жизни в мертвом доме и столь удивительно соединенный с ним опыт чтения Евангелия, единственной книги, разрешенной в остроге, переродившие Достоевского (по его же собственным словам), стали, без сомнения, тем основанием, на котором выросли, в частности, его романы. Поэтому рассмотрение их в связи с пометами, сделанными Достоевским в Евангелии, просто необходимо.

Большинство помет имеют без особого труда обнаруживаемую соотнесенность с современностью Достоевского. В Евангелии он искал объяснение подлинного смысла всего происходящего. По всей видимости, выделенное по тем или иным причинам место становилось неким подобием зерна, из которого произрастало все романное действие. Так произошло, к примеру, с «Братьями Карамазовыми».

II.

В десятой главе Евангелия от Матфея Достоевский выделяет фрагмент с 16 по 22 стих. Этот фрагмент можно разделить на две части. Первая — с 16 по 20 стих. «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас. И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства пред ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать. Ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо вы не будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас». Вторая — 21 стих: «Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их...»

Если бы мы захотели кратко и в то же время содержательно передать ход событий «Братьев Карамазовых», вряд ли что можно было бы придумать лучше 21 стиха Евангелия от Матфея. Действительно, выразить ли нам точнее поведение Ивана Карамазова и Федора Павлови

ча по отношению к Дмитрию, чем предание на смерть. Причем понятие «смерть» приобретает свое конкретное наполнение в конкретном окружении цельного романного смысла, обозначенного прежде всего в эпиграфе (Иоан., XII, 24). Иван и Федор Павлович как бы провоцируют, подталкивают Дмитрия к покушению на отца. Вспомним реплику Дмитрия в келье старца Зосимы: «Вы же теперь меня упрекаете тем, что я имею слабость к этой госпоже (Грушеньке. — Ф.Т.), тогда как сами же учили ее заманить меня!.. Засадить же вы меня хотите только потому, что меня к ней ревнуете...» И чуть дальше: «Зачем живет такой человек!» Сам Федор Павлович по-своему, но четко осознает цель приезда Дмитрия: «Не зарезать же меня тайком и он приехал сюда?» — говорит он про Ивана, т.е. подразумевая, что Дмитрий намеревается его тайком зарезать. Вспомним и слова Ивана в разговоре с Алешей после того, как Дмитрий избил Федора Павловича:

— Черт возьми, если б я не оторвал его (Дмитрия. — Ф.Т.), пожалуй, он бы так и убил. Много ли надо Езопу (Федору Павловичу. — Ф.Т.)? — прошептал Иван Федорович Алеше.

— Боже сохрани! — воскликнул Алеша.

— А зачем «сохрани»? — все тем же шепотом продолжал Иван, злобно скривив лицо. — **один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога.**

Теперь мы можем отчетливо представить, как наполняется смыслом евангельское «предаст на смерть». Федор Павлович и Иван, подталкивая Дмитрия к преступлению, прежде всего провоцируют его на нарушение Божией заповеди: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость. «Почитай отца твоего и мать», это — первая заповедь с обетованием: «Да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле» (Ефес., VI, 1-3). А возмездие за грех, как сказано, — смерть (Рим., VI, 23). При этом сами они не верят в Слово Божие и согрешают против той же заповеди; Иван, ставший подлинным убийцей своего отца, и Федор Павлович, забывший, очевидно, что у заповеди есть продолжение: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Ефес., VI, 4). Толкая Дмитрия на такую смерть, его брат и отец стремятся в конечном счете предать его суду с последующим за ним наказанием, чтобы использовать это в своих собственных, сугубо низменных целях. И в конце концов они добились своего. Поведение Ивана и Федора Павловича, в сущности, есть то же, что поведение фарисеев и книжников по отношению к Христу, которые, постоянно искушая Господа, желали уловить Его в каком-либо слове или деянии, противном закону, данному Моисеем, чтобы обвинить Его и осудить на смерть, сами пребывая в неверии, по свидетельству Христову: «Не думайте, что я буду обвинять вас пред Отцем: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне» (Иоан., V, 45-46). «Как вы можете

веровать, — говорит Господь, — когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?» (Иоан., V, 44). Желание славы себе и приводит их к тому, что они, вроде бы, добились успеха: Христос осужден на смерть и распят на кресте. Но произошло непредвиденное или «смертию смерть поправ». Подобно Христову воскресению из мертвых происходит в осужденном Дмитрие воскресение нового человека («Брат, я в себе в эти два последние месяца (т.е. под следствием. — Ф.Т.) нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек!» — восклицает он накануне суда на свидании с Алешей. Или его слова о предложении Ивана бежать как о бегстве от распятия.) Так наше рассуждение привело к идее крестной смерти-воскресения, выраженной в элиграфке к «Братьям Карамазовым».

Попутно хотелось бы отметить одну любопытную деталь. Хоть и паясничая, Федор Павлович как бы провидит свою смерть, о чем говорят несколько примечательных подробностей: его «ныне отпускаеши», реплика про Ивана («Не зарезать же меня тайком и он приехал сюда?»), или в разговоре с Алешей («Алеша подошел проститься и поцеловал его (отца. — Ф.Т.) в плечо. — Ты чего это? — удивился немного старик. — Еще увидимся ведь. Аль думаешь, не увидимся?»). Это невольно наводит на мысль о провидении Своей смерти Иисусом Христом, что подкрепляется другим фактом. Этот факт — злополучные три тысячи, из-за которых Федор Павлович был убит и мотив которых настойчиво заявляет о себе на протяжении всего романа. Ведь Смердяков, убивший отца, вернувший деньги Ивану и затем удавившийся — не кто иной как Иуда, предавший Господа. Т.е. Достоевский показывает, что даже такой человек, как Федор Павлович, хоть и помраченный, но все же образ Христов, и убийство его — все равно что новое распятие Христа. С другой стороны, здесь важно и то, что Смердяков возвращает деньги Ивану, как и Иуда — первосвященникам, что подкрепляет нашу прежнюю аттестацию поведения Ивана и Федора Павловича как поведения фарисеев и книжников.

Закономерным и неизбежным итогом таких предательств явилось то, что дети восстали на родителей и умертвили их. Именно дети, т.к. в романе подчеркивается, хотя убивал один Смердяков, «восстали» на отца и Дмитрий, и Иван.

III

Мы рассмотрели роман в связи с одной частью приведенного нами евангельского фрагмента (21 стих). Однако еще ничего не говорилось о действующем лице, которое Достоевский называет главным в «Братьях Карамазовых» — об Алеше. Не говорилось потому, что фундаментальное, можно даже сказать, историческое обоснование этого действующего лица заключено в другой части фрагмента (16-20 стихи). «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков...» На апостольство Алек

сея Карамазова в романе есть ряд указаний. «Едва только он задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертные и Бог существуют, то сейчас же, естественно, сказал себе: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю...» Алеше казалось даже странным и невозможным жить по-прежнему. Сказано: «Раздай все и иди за Мной, если хочешь быть совершен». Алеша и сказал себе: «Не могу я отдать вместо «всего» два рубля, а вместо «иди за Мной» ходить к обедне». Сравним хотя бы с призыванием к апостольству Петра и его брата Андрея: «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы; И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним» (Матф., IV, 18-20). То же самое с Иаковом Зеведеевым и его братом Иоанном. Далее тема апостольства развивается через стихи оставшейся части рассматриваемого евангельского фрагмента. «Вот Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас. И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками» (Матф., X, 16-18). Господь говорит о тех бедствиях, — толкует это место Нового Завета Иоанн Златоуст, — которые должны были постигнуть апостолов, «и таким образом заранее приготавливает их к брани против днавола. Этим достигалось многое: во-первых, апостолы узнали силу предведения Его (Христа. — Ф.Т.); во-вторых, никто уже не мог думать, что эти бедствия происходят от бессилия Учителя; в-третьих, те, которые должны были терпеть эти бедствия, не могли ужасаться их, как непредвиденных и неожиданных; в-четвертых, слыша это, апостолы не должны были смущаться и при наступлении времени крестных страданий...»; «...овцы преодолеют волков и, находясь среди них и подвергаясь бесчисленным угрызениям, не только не истребятся, но преобразят и их самих». «Это-то особенно и достойно всякого внимания, что они не убивали и не истребляли тех, которые злоумышляли против них, но, нашедши их подобными днаволам, сделали равным ангелам, и таким образом освободили человеческое естество от лютого владычества, а злобных тех и все возмущающих бесов изгнали».

А теперь вспомним, какими словами напутствует Алешу старец Зосима в последний день своей жизни: «Мыслью о тебе так: изыдешь из стен сих (из монастыря. — Ф.Т.), а в миру пребудешь как инок. Много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя. Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь, и жизнь благословишь, и других благословить заставишь, что важнее всего».

Старец, как определено в самом романе, это «берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным

самоотрешением... Таким образом, старчество одарено властью в известных случаях беспредельною и непостижимою». Исполняя волю старца, послушник исполняет волю Самого Бога, тем более, если это есть последняя воля. В лице старца Зосимы как бы сам Христос посылает Алешу на служение в мир. Как и Господь апостолам, Зосима предрекает Алеше грядущие страдания, которые следует понимать именно как крестные страдания (сообразуясь со смыслом эпитафия, который повторяется Зосимой непосредственно перед напутствием Алеше). Наставление Зосимы полностью согласуется со словами св. Иоанна Златоуста о том, как овцы чудным образом будут побеждать среди волков и преобразят их; «и жизнь благословишь, и других благословить заставишь — что важнее всего».

Помимо вышесказанного наличествует еще одна параллель, указывающая на стоящего за Зосимой Христа. «Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что вы не познали ни Отца, ни Меня. Но Я сказал вам сие для того, чтобы вы, когда придет то время, вспомнили, что Я сказывал вам о том; не говорил же сего вам сначала, потому что был с вами. А теперь иду к Пославшему Меня...» (Иоан., XVI, 2-5). Повторяя эту ситуацию, и Зосима предсказывает Алеше грядущие для него скорби как раз накануне своего отшествия в небесный чертог брачного пира в Кане Галилейской.

И наконец, третий момент, позволяющий говорить об апостольстве Алеши. Ключевой здесь является финальная сцена Алеши с мальчиками. Во-первых, Достоевский под самый занавес показывает начало пути, на который наставил Алешу Зосима, первое деяние Алеши на стезе его служения Истине. Преображение, произведенное им в сердцах детей, перемену от побивания Илюшечки камнями, подобно Иудеям, желающим побить камнями Христа, к любви, объединившей их всех, выразить ли точнее, чем преобразование волков в овец, как это сказано в евангельском стихе. А значит, не ошибочно и отнесение этого стиха к Алеше Карамазову.

Во-вторых, в упомянутой сцене, как это и свойственно манере Достоевского, есть одна фраза, сразу переводящая эту сцену за свои собственные пределы, делающая ее глубоко символической именно в том смысле, который нас интересует: «Всех их (т.е. мальчиков. — Ф.Т.) собралось человек двенадцать». В комментарии к роману в полном 30-томном собрании сочинений фраза пояснена как намек на двенадцать апостолов. Но тут возникает несколько подозрений. Главное из них состоит в том, что среди двенадцати апостолов один был предатель. Вместо удавившегося Иуды Искариотского Матфий был выбран после вознесения Господня. В «Братьях Карамазовых» этому факту нет соответствия. Прибавляется и другое сомнение: в пользу того, что илюшины товарищи прообразуют собой апостолов, говорит

только число и, фактически, ничего более. Но и это, при пристальном рассмотрении, свидетельствует о другом, на то намекает приблизительность числа («человек двенадцать»). По всей видимости, указанная фраза — скрытая цитата из Нового Завета. В Деяниях Святых Апостолов, в 19 главе есть следующее место, помеченное Достоевским: «Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел, пройдя верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святого Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать. Всех их было человек около двенадцати» (Деян., XIX, 1-7). По словам Иоанна Златоуста, они «не веровали и во Христа, как видно из слов: «чтобы веровали в Грядущего по нем»... Знал (ап. Павел. — Ф.Т.), что они не имели Его (Духа Святого. — Ф.Т.), но хочет, чтобы они сказали это, чтобы, узнав, чего недостает им, сами просили о том». Так и происходит в финальной сцене романа: « — Карамазов! — крикнул Коля, — неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых, и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

— Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было, — полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша». Характерно, что этот эпизод происходит у камня, что тоже имеет символическое значение. Отец Паисий, напутствуя Алешу в мир, говорит о некоем целом, которое просмотрели «ученые мира сего», хотя оно «стоит пред их же глазами незыблемо, как и прежде, и врата адовы не одолеют его», цитируя 18 стих 16 главы Евангелия от Матфея. В соответствии с этим целое — Церковь, созданная на камне — на вероисповедании (согласно толкованию св.Иоанна Златоуста), исповедании веры в воскресение мертвых, что мы видим в конце романа.

О том, что анализируемый эпизод проистекает из указанного фрагмента Деяний Святых Апостолов, свидетельствует еще одна деталь. Крещение учеников ап.Павлом происходит в Ефесе. Но вспомним, что и заповедь, на преступление которой толкают Дмитрия Карамазова Иван и Федор Павлович, преподается ап.Павлом в послании к ефесянам же. Здесь смыкаются обе части основного рассматриваемого нами евангельского фрагмента (Матф., X, 16-21). Ефес, в данном случае, — вообще языческий город. Слово Божие попирается, в Него не веруют. В черновых набросках к «Братьям Карамазовым» есть слова: «ВАЖНЕЙШЕЕ. Помещик цитирует из Евангелия и грубо ошибается. Миусов поправляет его и ошибается еще грубее. Даже Ученый ошибается. **Никто Евангелия не знает**»(15; 206). Таковых вполне

можно именовать язычниками, нуждающимися в апостольском благовестии, просвещении Словом Божиим, на служение которому и поставлен Алеша Карамазов («Ибо, судя по времени, вам надлежало быть учителями; но вас снова нужно учить первым началам слова Божия», как говорит ап.Павел в послании к евреям — V, 12.)

Установленный смысл подводит нас к смыслу эпитафии. Действительно, и нарушение слова Божия, и благовествование говорят о распятии (Евр., VII, 6 и Галат., III, 1). Только делающие первое — с распинателями, а делающие второе — с Распинаемым.

Итак, три момента, выделенные в связи с образом Алеши Карамазова, следуя очень простой закономерности — призывание к служению, напутствие к служению и само служение — довольно отчетливо свидетельствуют о правомерности применения к нему идеи апостольства. Это соответствует и всей внутренней логике творчества Достоевского послекаторжного периода и смысловому единству «Братьев Карамазовых». Язычество после почти двух тысячелетий христианства — это апокалиптический сигнал. В 13 главе Евангелия от Марка есть тот же самый фрагмент, что анализировался по отношению к «Братьям Карамазовым». Если посмотреть его контекст, то сразу выяснится, что в этом фрагменте даны некоторые из тех признаков, по которым можно судить о близ грядущем втором пришествии Христовом. «И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие» (Марк, XIII, 10). Вот место Алеши Карамазова — проповедь Евангелия накануне второго пришествия, то, что, по всей видимости, должно было стать темой второго романа.